

**ИНВЕРСИЯ ВРЕМЕНИ:
НЕБОЛЬШОЙ ЭКСКУРС В БОЛЬШУЮ ТЕМУ***
(размышления и воспоминания)

В статье раскрывается авторское понимание инверсии времени в системе нелинейного научного темпорализма, семантика которого обусловлена новой рациональностью, концепцией ускорения, социальным режимом. Автор называет центральные категории темпорализма: социальное время, поколение, память, ускорение, инверсия, биография. Привлекаются личные воспоминания автора и одноклассниц. По мнению автора, инверсия времени способствует сплоченной работе памяти, и практики исторической реконструкции влияют на молодое поколение.

Ключевые слова: *темпорализм, инверсия времени, социальное время, память, поколение, ускорение времени, историческая реконструкция, нелинейность, поколенческий контракт.*

Инверсия, нелинейность, мультивремя

Тема знакома мне с 1960-х, тогда я изучала философское содержание понятия инверсии времени и математический формализм Т-инверсии в физике. В последовавшей затем социокультурной интерпретации времени оказалось необходимо преодолеть физикализм в науке, перейти из гносеологии в социальную науку, где категория времени предстала в пестрой картине социального и культурного контекста. Если темпоральность как термин онтологии содержит временной атрибут любой формы реальности, временность, то темпорализм выступает термином эпистемологии и раскрывает представления, теории, концепции времени в культурно-исторической и персональной окрашенности, методологии, где время есть метод (Ярская 2011а; 2011б). Инверсия времени проявляется сегодня как понятие более широкого фронта познания: на этом механизме основаны не только науки (биология, геология, история, социология), но и художественные жанры.

Актуальна для социологии и социальной практики сама идея времени общества, превращенная в социологическую категорию и анализируемая не только в качестве параметра социальной реальности, производственных и куль-

* При поддержке РФФИ, проект № 14-06-00242.

Ярская Валентина Николаевна — заслуженный деятель науки РФ, научный руководитель Социологического центра, профессор кафедры социологии, социальной антропологии и социальной работы Саратовского государственного технического университета имени Ю.А. Гагарина (jarskaja@mail.ru)

Yarskaya Valentina — Honored scientist of Russian Federation, Research Advisor of the Sociological Center, Professor of the Sociology, Social Anthropology and Social Work Department, Saratov Gagarin State Technical University, Saratov, Russia (jarskaja@mail.ru)

турно-исторических процессов, но и в дискурсе политики памяти и нравственности. Прошлое может быть осмыслено по-разному в зависимости от того, как мы интерпретируем ушедшие события, — речь идет о времени как категории культуры, конструирующей память. К социальной памяти, поколению обращаются знаковые фигуры западной и отечественной социологии: Б. Докторов, В. Козловский, Ю. Левада, П. Нора, К. Мангейм, П. Рикёр, Е. Рождественская, Ф. Тённис, Ж. Тошкенко, Ф. Шенк, М. Хальбвакс, Е. Ярская-Смирнова. Концептуализация времени и памяти, прошлое как основа новых практик организации символического пространства выступают объектом публикаций последних лет (Власть времени 2011; Романовский 2011; Семенова 2009; Ушакин 2008, 2009; 2011; Ярская 2012: 7871–7877). Инверсия, обращение времени в прошлые события закладывает память поколения, жизненный путь, биографию в качестве категорий темпорализма.

Критический анализ проблематики, социологическая оптика обращены к механизму культурной памяти в широком контексте темпоральностей как отдельных индивидов, так и социальных институтов и коллективов. Ведь алгоритм инверсии времени сопутствует социальной группе, способствуя скреплению сообщества, сплоченности, коммеморации культурных норм. Мы оглядываемся назад: не упустили ли тогда и там что-то важное? Главная тема радикальной микросоциологии — так называемые ритуальные цепочки взаимодействия или сплетения *«индивидуальных цепей опыта взаимодействий, перекрывающихся в пространстве и времени»* (Ритцер 2002: 425). И происходит избавление от времени в бинарных оппозициях, дихотомиях, полярности; теперь важно понимание исторического времени, наполняющего память — не как единственного и единого хронического (хронологического) ряда, а в виде многих рядов. В каждом существует теперь темпоральный символ нелинейности, индивидуализации, независимости.

«История есть, прежде всего, временность (темпоральность), события в своей протяженности и длительности. Мы склонны ассоциировать временность с линейной последовательностью, а потому история представляется нам как движение в видимом направлении. Однако в действительности ... следует говорить об “историчности” как определенном смысле существования в социальном мире, подверженном непрерывным изменениям» (Гидденс 2005: 24).

Противоположный концепт единого абсолютного субстанциального времени выражен утверждением классической механики (Ньютон 1934), научная картина мира конструировала детерминизм, прозрачность, монокультуру и монологическое описание. В теории органической солидарности практически тоже представлена классическая парадигма: время бессубъектно, не содержит ничего социального, личного, ни задержки событий прошлого, накопления индивидуальной, коллективной памяти, хотя и сделан акцент на временном модусе прошлого. *«Будущее не может возникнуть из небытия: мы можем его построить лишь на материале, завещанном нам прошлым»* (Дюркгейм 1996: 45–46). На самом деле ритмическая природа социальной жизни, время выступают символической структурой организации общества и продуктом коллективного сознания (Сорокина 2008).

«Большинство социальных аналитиков рассматривают время и пространство всего лишь как окружение, в котором протекает деятельность, и легкомысленно соглашаются с характерным для современной западной культуры представлением, сводящим время к измеримому часовому времени» (Гидденс 2005: 173). Но линейный набор категорий не в состоянии выразить трагический опыт, биографию, ему соответствовали административное рвение, авторитарность государства, отсутствие гражданского общества. Этим и сейчас нередко руководствуется большинство институций, деструктивные потоки времени семьи, армии, образовательных учреждений. В дегуманизированной среде традиционно тон задают абсолютные, обезличенные и объективированные пространство и время, с которыми хочется проститься навсегда.

К тому же жесткий авторитет ленинской критики эмпириокритицизма на многие десятилетия убрал из поля зрения советских обществоведов экзистенциальные форматы, конструирование свободного времени, жизненного пути, множества временных форм. В конце 1970-х гг. я встречалась с известным советским академиком, философом, чтобы получить согласие оппонировать на докторской защите. На мое сообщение о многообразии форм времени он воскликнул: *Но это не реальность, это — аллегория!* Пришлось готовить доклад: *Полифония времени — не аллегория, а реальность*. Сейчас уже никого не удивит, что время многолико, но тогда это принималось далеко не всеми.

Is Multiple-Time possible? — спрашивал Гурвич. И *«зачем подчинять разные проявления времени одному и тому же концепту времени, вместо того, чтобы дать определения каждому проявлению времени»* (Gurvitch 1990: 37).

Спасибо за реабилитацию субъективного времени и понятие темпоральности как характеристики личного существования, в жизни время меняет направление, идет назад, повторяется, выступает субъектной формой человеческой деятельности, приходит через будущее, обретая значимость жизненного проекта как *«особое в бытии сущего»* (Хайдеггер 1998: 12). Формируются практики конструирования инверсии времени, жизненного пути, биографии. Конечно же, бытие определяется как *«присутствие через время»* (Хайдеггер 1991: 81–82), но по-разному. В индустриальную эпоху организацией техногенного типа культуры выступает линейная темпоральность, включенность в господство централизации, постепенно соотношение внутренней и внешней иерархии семантической значимости темпоральных форматов меняется, и не всегда в лучшую сторону.

Общество в модерне имело имидж полновластия, а природа, как известно, — образ покорной служанки; вспомним слоган Мичурина о милостях природы: *взять их — наша задача*. Отделение от общества было предпосылкой появления практик, зависимых от инструментального конституирования природы как пассивного множества для использования людьми и условий достижений, т. е. ресурса, лишённого значений и потому *«пригодного для тех, кого отождествляют с миром разума или интеллекта»* (Макнотен, Урри 1999: 262–263, 267–268). В традиции классической парадигмы социальное время определяется историей и политикой, включает прогресс и упадок, тогда как природные формы времени — вне человека и общества (Харт-Дэвис 2012). И к этим общим, известным положениям, близким к повседневным представлениям, мы привыкли.

Конечно, природные красоты и ландшафты имеют свои темпоральные формы, а жизнь человека — другие, хотя сам темпоральный язык заимствован из естественных наук — биологии, квантовой механики, аэродинамики. И природное, геологическое, и социальное макровремя раскрываются в более точных понятиях эпохи, периода, а в отечественном контексте выражает даже большую конкретизацию, нежели периодизация от доиндустриального к постиндустриальному обществу либо переход от модернизма к постмодернизму. В макромире мы по традиции воспринимаем время как линейное, равномерное, как бюджет рабочего, свободного времени, время полета лайнера, временные затраты на профессиональную подготовку. Социальное время показывает *«движения одних социальных явлений по отношению к другим социальным явлениям, взятым в качестве точки отсчета»* (Sorokin, Merton 1937: 618).

Однако произошло то, чего не мог предвидеть модерн: взаимодействие с природой приобрело ментальный характер, культурное осмысление. Нельзя точно определить, отграничить социальные форматы времени от природных, железный занавес здесь отсутствует. *«Радикальный модерн несет “конец природы” — окружающий мир человека перестает быть для него внешним и все больше превращается в творение самого человека. Гидденс полагает, что разделение естественной и социальной среды утрачивает смысл»* (Кравченко 2007: 26). Хотя образ времени и включен в дискурс природных и социальных предпочтений, нет природы обособленной, лучше говорить о природах, которые формируются исторически, географически, социально.

Современные авторы уже не могут прятаться за единственный абсолют классического времени. *«Разные компоненты социума находятся в различных темпомирах, т. е. имеют динамику развития, характер которой относится к исторически разному времени»* (Там же: 34).

И чтобы уж совсем спрятаться за авторитет, приведем мнение известного темпоралиста: *«Я утверждаю, что время не имеет односторонней направленности, к которой все явления мира одинаково причастны, но иерархию темпоральностей, от времени человеческого фактора до вечности»* (Fraser 2007: 15).

Разнообразие времени, его инверсий дает разнообразие культурной памяти. Функционирование памяти невозможно без коллективных инструментов — слов, идей, не придуманных индивидом, а заимствованных из культуры. Историческая память выступает в культурных формах, сохранении культурного наследия нации, способствуя содружеству, консолидации взаимодействия социальных субъектов. Формы темпоральности подчинены эволюции культуры, *вспоминают* уроки истории, формируют историческую память поколения. В итоге инверсия в прошлое накапливает, интегрирует, закрепощает и освобождает.

Между тем для исследователя категории времени и пространства не живут друг без друга, пространство в этой комбинации никуда не исчезает, а представлено категорией места памяти — люди, события, здания, книги, песни, географические точки с символической аурой, представления общества о себе и своей истории. Главная функция — коммеморация, культурное сохранение памяти социальной группы, надындивидуальное измерение символизирует когнитивную оснастку феномена традиции, *сопряжено с интенциональным переживанием*

сообща (Макаров 2010). Время в знаменитом симбиозе направлено на раскрытие памяти, героического прошлого, общего для самосознания сообществ, городов, регионов.

История обязана быть универсальной, равнодушной к поколению, собрать в единую картину совокупность событий из памяти групп. Это новые институции: экологические движения, медиа, «развитие мы-групп», самосознание этнокультур, городов, регионов — так в изменении исторического самосознания немцев трансформировалась их коллективная идентичность. История превратилась в науку, а память как феномен индивидуальный переживает связь с настоящим, чувственная природа уживается с деталями, питается многоплановыми, глобальными или символическими воспоминаниями: «Память — это абсолют, а история знает только относительное» (Шенк 2000: 8, 10, 19). Историческое сознание как часть национального самосознания интересно исследователям памяти нации, коллективная память выступила ядром представлений нации о самой себе, объектом исторического процесса.

На периферии независимость новых наций вторглась в историческое время, вызвав внутреннюю деколонизацию малых народов, групп, семей, всех, кто обладал *сильным капиталом памяти и слабым капиталом истории* (Нора 1999: 17). Действительно, представление российских немцев о прошлом тоже отличается от того, которое было у их дедов и прадедов. Но это связано и с негативной, травматической памятью — унижением, страхом, депортацией. Депортация в социальной памяти вызывает разную реакцию у людей, по-разному относящихся к культурным различиям, хотя особую роль для коллективной идентичности национального сообщества играет солидарность, представление об общем прошлом.

Модернизм ассоциируется не только с массовым производством, экстенсивным и рационализированным государством, но и с жесткой линейной темпоральностью, проект модерна подразумевает карцерное общество (Фуко 1999), или паноптикум, устремляясь к культурной гомогенности. Так называемый основной вопрос философии до сих пор любим преподавателями, предпочитающими простые линейные схемы объяснения. Вместе с тем античный и современный философские дискурсы не укладываются в прокрустово ложе *измов*, рамки привычных стереотипов классического европейского понимания, не говоря уже о принципиально нелинейных восточном и русском типах философствования. Вульгарная схема основного вопроса философии становится непригодной для интеллектуальной рефлексии: грубое полярное разведение философских школ не позволяет вытащить на суд философии образ человека маргинального, в инверсии нелинейного времени.

Типы правил, значимых для социальных теорий, замкнуты в круг институционализированных практик, которые *глубоко осели во времени и пространстве* (Гидденс 1995: 58), и смыслы идентичности, знания могут утратить ценность, но не в планетарном времени, измеряемом сутками, годами, веками, а в социальном, измеряемом скоростью социальных изменений. Культура наполняет разнообразными смыслами новейшие формы социального времени, как актуального, так и мемориального характера, время интуитивно ощущается, пе-

реживается интенсивность социальной жизни, осуществление биографии, жизненного пути. Рефлексивность времени обусловлена социальным конструированием и становится возможной благодаря преемственности практик поколений, *«большинство обыденных пространственно-временных путей подразумевает “возвращение”»* — это позволяет говорить о *«повторяемости»* как *характерной особенности повседневной социальной жизни»* (Гидденс 2005: 203).

Перед нами — мониторинг течения социальной жизни: сама *концепция структуриации исходит из временности, истории* (Гидденс 1995: 41–42), и время институционализируется.

И обратно: не исследуя человеческие общества, теория структуриации сосредоточилась бы на *«упорядочении институтов во времени и пространстве»* (Ритцер 2002: 447). Понятие общественной дифференциации заменяется понятием пространственно-временной дистанциации (*distanciation*), отвергает универсальные социологические законы, независимые от времени и места, в пользу исторических контекстов: *«мы предпочитаем называть регионализацией пространства-времени, под которой нами понимается движение жизненных путей по зонам социального взаимодействия, обладающим различными формами пространственного разграничения»* (Гидденс 2005: 180–181).

Потребление времени при капитализме содержит ключ к трансформациям социальной жизни, эти позиции Гидденса комментируют отечественные авторы (Романова 2002: 40–49; Фурс 2002). Временные и пространственные характеристики действия связаны рынком: деньги как средство кредита включают время, а пространство транзакций осуществляют индивиды, которые, возможно, не встретятся лицом к лицу.

Сегодня не слишком отчетлива возможность фундаментальной смены темпоральностей от технократизма и милитаристской доминанты, времени конфликта к гражданскому времени диалога и социальному диалогу времен. В государстве для государства формируются враждебные человеку формы времени, есть опасность навязывания механического измерения запрограммированного вида: привычное хронологическое время накладывается на большинство формальных человеческих действий. Идеология приоритета технического прогресса проникла в политику, экономику, управление, охватывая диагностические школы медицины, образования, социальной работы, где еще господствует авторитарный эксперт. А в атрибутах наказаний лишением свободы *«время придает заключению подлинно социальную характеристику..., становится продуктом потребления, его можно продавать, приобретать»* (Matthews 1999: 38). Хорошее поведение, труд, исправление могут быть использованы для уменьшения сроков, времени несвободы.

В городской среде возникают конфликты гегемонной темпоральности с временными ритмами различных уязвимых групп и меньшинств. Политическое измерение времени выступает одновременно как структурируемый и структурирующий социальный институт, хроническое время соотносит события с осевым временем. Возможность пройти временные интервалы в противоположных направлениях относительно нулевой даты; создание системы единиц обозначения повторяющихся промежутков времени — день, месяц, год

(Рикёр 2004: 213, 573–630). Впрочем, в тоталитарной (доминантной, гегемонной) оси времени все события *окрашиваются* ее присутствием, бессознательной и коллективной памятью, хотя индивидуально память о них могла быть *другого цвета*.

В аспирантские годы я руководила университетским Теоретическим семинаром по философии. Однажды мы повесили объявление о докладе нашей сотрудницы *Противоречия при социализме*. Нас обоих вызвал заведующий кафедрой, возмущался: *какие могут быть противоречия при социализме?! Но потом добавил спокойным тоном: ну, пусть будет доклад, но зачем же объявление вешать?* Время упомянутого инцидента было поначалу конфликтным и напряженным, на него давило осевое время тоталитаризма. Профессор вначале не мог от этого отвлечься, а затем успокоился, решив, что в его собственном времени, прямо сейчас, здесь и теперь, ему ничто не угрожает. Общая совокупность моментов теперь, уже-не-теперь и еще-не-теперь, *«являющая себя в такой актуализации, есть время»* (Хайдеггер 1997: 17, 421). Но длительность каждого случая, процесса дискретна, структурна, неравномерна, собственное время субъективно, относительно, нелинейно и для отдельного процесса необратимо.

Раскрывая относительность эйнштейнизация времени принимается не всяким сознанием, однако время культуры дает возможность воспоминаний, создания синтеза релятивных и социальных концепций, предполагающих историческую, социальную память. Отвергающий модальности навязанного пространственного распорядка и времени дискурс гражданственности, условия свободы, рыночных институтов изменяют конфигурации пространства и времени в переходе к информационному обществу, направляя к диалогу, инклюзии, толерантности. Время — ключевой параметр нелинейного проекта — социальный конструкт, биографический опыт, воплощенный в телесных практиках, событиях, жизненных случаях, оказавшийся в конфликте с этатратизмом. Это не простая сумма пересечений индивидуальных времен, даже темпоральность отдельного человека связана со статусными характеристиками и многослойна: экзистенциальный, психологический, социальный, культурный форматы.

Как и Эйнштейн, Бергсон начал с субъективного времени и, отправляясь от него, двинулся к времени природы — темпоральности, объективированной физикой. Но объективация лишила время основы, внутреннее экзистенциальное время утратило качественные отличительные свойства (Пригожин, Стенгерс 2003: 275–276; Пригожин 1991: 46–52) — конструирование общества, исследования этничности, погружение в биографии. По этой причине было введено различие между физическим временем и длительностью — понятием, относящимся исключительно к времени экзистенции. В этой парадигме мы и стали замечать время и память, их солидарную инверсию. Время рассматривают теперь как социальный фактор в объяснении структуры и процесса, каузальную связь между элементами в социальной теории, количественное и качественное измерение взаимодействия, *«игнорирование социального времени делает невозможным существование социологии»* (Фомичев 1993: 42–43). При этом мы говорим о постоянном атрибуте жизни, не философской «величине» (Веселкова 2001), измерение — удел положительных наук. Время, которое мы конструиру-

ем как жизненный путь, труднее форматировать в количественных измерениях, в часах, фрагменты биографий не сводятся к хронологии прошлого.

«Политически мы были в мертвой зоне, не знали, что страна задыхается от репрессий, железного занавеса — перед нами была лучезарная картинка ничем не омраченного школьного водоворота жизненного пути. Время не поворачивалось к нам своим устрашающим ликом, а только солнечной стороной. Только полвека спустя смогли по-настоящему оценить это жуткое время и поблагодарить судьбу за счастливое детство и радостные школьные годы. Лишь в преклонном возрасте осознали, что в российском обществе традиционно противоречие между внешним социальным благополучием, потребностью в социальной стабильности и ростом социальной напряженности, неравенства, генезисом оппозиционных тенденций» (Из воспоминаний одноклассницы С.).

Новая рациональность, поворотные пункты, идея нестабильности *кладут конец претензиям на абсолютно контролируемое общество*, выходят за рамки чистой науки и оказывают влияние на интеллектуальную среду (Пригожин, Стенгерс 2008: 272; 1991: 46–52, 21), наука времени переопределяет свой предмет. В ситуации глобальной нелинейности, дискретности и инверсии, в многомерном тексте время становится гипервременем, никакой элемент не функционирует, не приобретает и не придает смысл иначе, как отсылая к какому-то прошлому или будущему. Ключевой категорией становится различие: стабильность, равномерность уходят в прошлое, открывается путь к пониманию социальности времени.

Темпоралистов можно представить как большую команду, несколько десятилетий Международное общество изучения времени (ISST) возглавлял Дж. Т. Фрэйзер (Fraser 1999; 2007), автор фундаментальных трудов и статей по времени в аспектах конфликта и нравственных ценностей. Работает междисциплинарный семинар по изучению времени и в МГУ. Качественное изменение социального времени характеризуется сегодня сплоченностью, условием активности совокупности индивидов, ориентированных в своих поступках сходным образом, доверием, осознанием направленности интересов, возможностей.

Вероятность сокращения рабочего дня, увеличение свободного времени расширяют возможности путешествия во времени и пространстве культуры, сетевые взаимодействия, посещение театра, кино, музеев — в соответствии с потребностями различных социальных групп. Однако время влияет на социальное взаимодействие не только как ресурс, который затрачивается, но и как смысл, культурный код социальной жизни. Актеры и авторы реинкарнаций прошлого преследуют цель — стать частью символического пространства, которое *«не утратило узнаваемости очертаний»* (Ушакин 2009). Так прошлое объединяет акторов в группу, привнося оттенок солидарности.

Ускорение. Поколение

«Социологи столкнулись со сложной проблемой ускоряющегося развития человеческих сообществ» (Кравченко 2007: 24). Исторический процесс, который в Средние века занимал сотни лет, сегодня практически определяется масшта-

бом политических решений, временем жизни поколения или человека, ускорение истории заставляет ощутить неизбежность нарушения равновесия. Существенно более короткие временные масштабы характеризуют этапы взаимодействия природы, общества, человека, инверсия времени в прошлое истории лишь подтверждает эту тенденцию. Открытый Пифагором эффект ускорения времени проявляется не только с возрастом цивилизации, но и в разные периоды жизни, может оказать дезориентирующее влияние на жизнь индивида. Человечество и жить торопится, и чувствовать спешит, не поспевая за правилами жизни, им же созданным прогрессом. Ускорение социального, исторического времени, процессов жизни, турбулентное время бросает вызов и *социологической подготовке и нашему воображению* (O'Reilly 2011), теории адаптируются к новым социальным реалиям, мобилизуя концептуальные ресурсы.

Сокращается мера исторического развития и ускоряется ход мировой истории (Капица 2004), но мы живем по законам линейного времени, хотя должны констатировать, что повседневное время постоянно ускоряет свой бег (Троицкий 2002: 66–71) и теряет линейность. Трудно представить современный мир социума как исключительно линейный и однонаправленный процесс, пренебрегая прерывностью, разворотами и разрывами социальных процессов. Мы измеряем время минутами, часами, сутками, столетиями, хотя в разные периоды жизни, особенно в детстве и старости, человек воспринимает течение времени как неравномерное — замедленное, либо ускоренное. Несмотря на то, что процесс социальной эволюции идет медленно, новые рабочие рамки времени позволяют оценить изменения (Kearl б.г.), ведь опыт ускорения связан с памятью, которая должна расширять объем с возрастом, вызывая беспрецедентное ускорение.

Скорость течения времени увязывают теперь с количеством реально новой (не рутинной) информации: чем больше, тем быстрее (Rosa 2013). Но воспоминания, наоборот, замедлены: всего несколько минут свидания с любимым человеком пролетают быстро, но в воспоминании мы это время с удовольствием растягиваем. Если, в другом случае, новой информации нет, минуты тянутся, как часы, а постфактум кажется, что время пролетело мгновенно, ушло в никуда. Так проявляется относительность отнюдь не релятивистского, но жизненного, переживаемого времени. В этом состоит развитие нелинейного мира, когда время и инвариантный за цикл объем информации уплотнены до предела, возратить утерянные ценности становится более затруднительно по причине ускорения.

Культурная инверсия времени — это извлечение возможностей социальной и культурной памяти, в одном случае память открывает нашу гордость, в другом, как на чемпионате по хоккею, — глупость и стыд. Концепция ускорения оказывается инструментом анализа: неспособность жить в интенсивном темпе имеет последствия в индивидуальной и коллективной жизни поколения. При этом *«периферия с ее редким населением представляет... архаичность, отставание, легкую возможность эксплуатации со стороны других»* (Бродель 1992: 215). Так и часть россиян существует в прошлом или уже в позапрошлом столетии, без газа, воды, Интернета, мобильной и телефонной связи: *«Идешь вдоль ули-*

цы — а на подоконниках примусы стоят...» (анкетер Д., вернувшийся из районов области).

Если время, объем информации уплотнены, сокращается диапазон памяти, то нынешние поколения не воспринимают события полувековой давности, практические нормы и ценности не успевают сформироваться в соответствии с новыми требованиями, сказываясь на поведении и нравственности человека. У многих людей ритм жизни независим от ритма культуры, они живут прошлым, с ностальгией и агрессией по отношению к новому. Раздвоенность, фантомность мира становится в высокой степени болезненной темпоральностью, сигнализируя о непорядке — *неладно что-то в Датском королевстве* — в отношениях между социальными группами, элитами, массами, властью. Люди сами сжимают время до катастрофического предела, революционного взрыва, разрушений, социальных бед, в противоположность мерному ходу времени эволюции и стабильного развития.

Понятие турбулентного времени и концепция ускорения становятся инструментом социального и политического анализа последствий для индивидуальной и коллективной жизни. В числе факторов сжатия называют путешествия, электронные СМИ, капиталистическую интеграцию, современные коммуникации, интенсификацию общения, возможности Интернета. Социальное ускорение либо замедление времени — результат неравномерности, диагноз современности, в отличие от классической научной картины мира. Мировая история во времени предстает как чередование господства нескольких мир-экономик, объединенных единым центром и временными ритмами. Время мира продуцирует себя, указывая на неоднородность и зависимость от места и эпохи (Бродель 1992).

Социальная организация предполагает координацию действий людей, даже значительно удаленных друг от друга во времени, но испытывающих на себе влияние ускорения. Особенно заметно ускорение времени социальных изменений, в этом — ключ к пониманию современности (Rosa 2008; 2013; High-Speed 2009). Поэтому ускорение и замедление выступают методологическими терминами в перспективе, составляя часть социального развития — ускорение проявляется в социальной жизни, модернизации, индивидуализации. Внимание на одном событии уменьшается, постоянно прерывается потоком входящих сообщений, телефонных звонков, телевидения и радиообъявлений, внезапными разрывами в сознании.

Конструктивистский дискурс подчеркивает субъективные аспекты времени, удаляя прежний акцент на его объективных качествах, социальное время становится стратегией, включающей сознательную манипуляцию временем для получения или проявления власти или лояльности (Сорокина 2008). Предельное сжатие, турбулентность и без того дискретного, неравномерного времени приводят к разрыву пространственных и временных связей, динамическим распадам империй, нарушению порядка, росту негативных явлений. На размышления об этом направляет чтение новой книги (Тощенко 2015), заставляя подумать об очищении нашего безумного времени — *Time to get a little crazy* (Kearl б.г.; Ярская 2015).

Интегральная психологизация памяти ввела экономию механизмов памяти и отношений с прошлым (Нора 1999: 33), настоящее стало повторенным, актуализированным прошлым. Социально-психологический дискурс проблемы времени, инверсии и памяти создает предпосылки систематизации уровней репрезентации времени в индивидуальном и групповом сознании. Под временной идентификацией понимается также осознание человеком групповой принадлежности к оценке времени.

«Важным структурным элементом субъективного времени группы является отношение к времени (положительное, отрицательное, нейтральное), к его модусам (прошлому, настоящему, будущему) и субъективная значимость времени для человека или группы, тревожность времени, оценка скорости жизни, степень озабоченности конечностью жизни, смертью» (Нестик 2003: 17–18).

Не менее важную характеристику времени составляет и *роль доверия в анализе совместного опыта* (Нестик 2014а: 541–543; 2014б).

Инверсия времени раскрывает оценочную модификацию как взаимопроникновение прошлого, будущего, настоящего. Сущее приходит и уходит, но не вымирает, а составляет память. Произошедшие в группе события превращаются в сходства, их роль — показать с разных сторон *одинаковое содержание — фундаментальные черты группы* (Хальбвакс 2007). Отсюда коллективная память, картина сходств: группа остается одинаковой, а меняются отношения с другими. Обращение к времени биографии позволило использовать политику памяти в эпистолярном, нарративизирующем жанре, более свободном по отношению к чистому академизму. Воспоминания формируют темпоральность как биографическую нишу, картины прошлого волнуют, их время переносится: все только произошло.

«Волга была доступна горожанам, мы выросли волгярами, казалось, весь город стоит на берегу. Тогда было много бассейнов, водных станций, можно было плавать в любое время суток, лодку взять напрокат. Мы переплывали Волгу до пляжа, отдохнешь на нем и опять можно плыть: пока не сделали водохранилище, уровень воды оставался небольшим. В нашем случае потеря доступности Волги для горожан — это урбанизированная месть большого города, изнанка технического прогресса» (Ярская 2007: 10–11).

Мы дистанцируем, чтобы вспомнить события прошлого. *«Хотя мои личные воспоминания целиком принадлежат мне и находятся во мне»* (Хальбвакс 2005), различие между коллективной и исторической памятью равнозначно различию между индивидуальной и коллективной памятью. Память и забвение говорят о *«политике памяти и работе памяти»*, для забвения это память и верность прошлому; для прощения — *виновность и примирение с прошлым* (Рикер 2004: 167, 208, 236–237, 537). Время оказывается не только затрачиваемым ресурсом, возникает категория свидетельства как след прошлого в настоящем, хотя любые воспоминания являются *реконструкцией прежнего опыта, а не его репродукцией* (Хальбвакс 2007: 13). Современная история сливается с политикой, отражается на представлениях, решениях и принимаемых законах, мы интерпретируем ушедшие события в зависимости от культуры. Экзистенциальная инверсия времени открывает *совесть* — временность в свернутом виде, высту-

пая в качестве источника переживания прошлого, памяти. Наблюдается бунт коллективной памяти против того, что предстает *«попыткой овладения собственным ей культом воспоминания»* (Рикер 2004: 537). Индивидуализация социальной памяти, идентификаций отмечается у молодежи, подростков, включенных в информационные сети.

Без внимания к проблеме исторической памяти невозможно построение гражданского общества (Тощенко 2000), а иногда акценты памяти оказываются неожиданными. Так, в массовом сознании комитеты солдатских матерей приобрели репутацию оппозиции режиму, знак антиармейской направленности, визитной карточки, фиксирующей категории их социального и дискурсивного существования (Ушакин 2009). Социальные проблемы памяти стали рассматриваться в единстве с забвением, факторами, формами проявления бума памяти, его ролью в современном социологическом знании (Романовский 2011: 13–23).

Процесс «переписывания» памяти рассмотрен на примере сообщества бывших афганцев и на основе дискурсивного анализа текстов (Семенова 2012). Современные дискуссии о способах мемориализации традиционно концентрируются на попытках поставить под контроль формы публично доступной памяти о войне (Ушакин 2008; На «Путях России»... 2011). На инверсии времени основано и переживание военного синдрома, забыть проще для бывшего солдата: *«страшная штука — память»* (Военный синдром 2006), забвение — лекарство, если это память грусти, боли, отвращения. Но симптомы боевого стресса переходят в посттравматические расстройства на дальнейшем жизненном пути. Травму анализируют не как единовременное событие, резко изменившее жизнь человека, но и как процесс, который продолжает влиять на отношение людей к их прошлому, настоящему и будущему (Травма: пункты 2009).

Травмирует тщетность объяснения неожиданного разрыва ткани социальной жизни, которая распадается на несколько жизней. *«Личность индивида подвергается разрывам, расчлененности в результате того, что жизненный опыт носит фрагментарный характер»* (Giddens 1990: 6; см.: Кравченко 2007: 31). Для чувства прошлого должна возникнуть трещина между настоящим и прошлым, чтобы появилось до и после, люди учатся жить с травмой, не подавляя ее, оставляя судьбе, истории жизни. Время остается ставкой и для памяти-чувства, и для воспоминания-действия (Рикёр 2004: 39). Человек проживает этапы жизненного пути как *несколько отдельных жизней*, различающихся колоритом и содержанием, горестью и радостью. Да и сам он каждый раз другой — его конструирует время, жизненный путь, память.

Дефиниция времени в памяти носит оценочный характер: время счастливое и несчастливое, радостное и смутное, сытое и голодное. Память о нашей жизни представляет непрерывную и густую картину: *«лишь теперь я учусь вписывать свое детство в историю моего времени»* (Хальбвакс 2005: 40–41). Претензия на универсальную истину, забвение травмы, насилие лишь маскируют тотальную волю к власти и стремление подчинить тирании господствующего дискурса. Биография — это рефлексия культурной ситуации, кейс стадии, вызванное порой неудовлетворенностью настоящим и приукрашенное, но всегда индивидуализированное изложение этапов и событий, жизненных случаев.

«Приехав к отцу в июне 1941 года, мы удивились, что, в отличие от уральских городов — сурового Свердловска и страшных по своей экологии Березняков — здесь, в юго-западном приграничном городе Кишиневе было солнце, много ягод, фруктов, яркой зелени, вкусных хлебов. Тогда мало кто осознавал, что центральные российские города и села жили намного беднее окраинных республик. Мама восторгалась непривычным изобилием, возможностью ходить во всем светлом, ее восторг передавался мне, и новая жизнь казалась бесконечной, с ощущением беззаботности и счастья» (Ярская 2007: 12).

Макроистория располагается на определенном уровне: речь идет о процедурах периодизации, разбивающих время истории на большие эпизоды, которым соответствуют рассказы (Рикёр 2004: 342). При этом инверсия времени в культурном наполнении оживляет память, а профессиональная реализация тех, кто занимался социально окрашенной проблематикой, представляет собой непрерывное испытание на устойчивость (Фрумкина 2003). Так, по-особому показано влияние жизненного опыта на увлечение биографическим подходом (Козлова 1994: 112–123). Биографический метод основан на вскрытии содержания памяти, понимании биографических данных как основного источника детальных и мотивированных описаний истории жизни отдельной личности (Мещеркина 2002: 61–67). Недавно вышла книга с сотней интервью (Докторов 2014) как результат осуществления так называемой Международной биографической инициативы (IBI) — проекта, посвященного истории российской социологии. И прежде всего — как результат гигантской работы Б. Докторова, удивительного человека, вложившего в проект душу и доброе сердце интеллигента ленинградской закваски.

В общем массиве прошлых событий на жизненном пути выделяются переломные годы, которые занимают особую нишу интересов, пристрастий, памяти, где они не тускнеют, становятся яркими, осязаемыми. Семиотика войны проникает в круг национальных забот, оказывается неотделимой от эмоциональной памяти: военный опыт нужно пережить. Инверсия военного времени не сводится к воспоминаниям ветеранов, свидетельства тех, кто жил тогда, помнит, не менее важны. Изображая опыт войны и переживания, в том числе глазами ребенка, и советское кино, и повествовательный жанр дают возможность не только уйти от проблематики героизма солдат и особенностей травмы (Травма: пункты 2009), но и представить картину сопутствующих фрагментов индивидуальной, биографической и коллективной памяти невоенных, гражданских лиц, детей.

«Война стала полной неожиданностью. Ничего не предвещало конца тихой радостной и размеренной жизни в южном городе, далеко не только от холодного Урала, но и родных волжских берегов. Но однажды ночью начались разрывы снарядов, папу вызвали «по учебной тревоге», после этого мы его не видели года два, в ту ночь началась война, немцы бомбили Кишинев — он находился прямо на границе. А утром пришел боец, сообщив, что мы должны идти в часть для эвакуации. Соседи, местные жители, к этому времени завели патефон, накрыли стол и открыто радовались началу войны» (Ярская 2007: 14).

Начало любой биографии подобно времени мифа, которое замыкается на себя, не развернуто и не до конца рефлексивно. Биографический темпора-

лизм характеризуется обилием интервью, нарративов, парадигм, дефиниций (Докторов 2015; Семенова 2012; Хальбвакс 2007), конечно, под влиянием понимания темпоральностей как состояний нелинейного мира, в эволюции практик насилия, травмы, неравенства. В таком ключе рассматривается нарративизация экзистенциально пограничного опыта в интервью с бывшим узником концлагеря «мертвая петля»: опыт дискриминаций испытан, транслируется поколениями, наследуется способ их преодоления (Рождественская 2011).

Нация-память оказалась воплощением истории-памяти (Нора 1999: 24), ведь универсальной памяти не существует, носителем коллективной памяти является группа, наша память не смешивается с памятью других, ограничиваясь узкими пространственными и временными рамками. Память коллективная «оборачивается» вокруг индивидуальных памятей, работа общества по формированию памяти направлена на конструирование пространства и времени «как внешних обрамляющих форм, а не фиксацию отдельных воспоминаний» (Хальбвакс 2007: 11). Переход от памяти к истории заставляет социальную группу дать новое определение своей идентичности через *оживление собственной истории* (Хальбвакс 2005: 31, 40–41). Память оказывается собранием мыслительных образов, чувственных впечатлений, не присутствующих в настоящем, а ушедших в прошлое вещей, «но с добавлением элемента времени» (Йейтс 1997: 50). Если в биографии интерпретированы значимые социальные связи, анализируются мотивы действий и получают объяснение важные с точки зрения автора процессы, это позволяет выявить культурную, историческую и географическую детерминированность события. На жизненном пути есть вечные отрезки времени, события, которые помнишь и переживаешь всю жизнь.

«По пути над нами низко летал самолет, и сопровождавший боец пытался попасть в него из винтовки. Потом мы прятались в подвале, где нас засыпало обломками разрушенного бомбой дома. Когда нас вытащили из-под обломков, то отвели на вокзал, где шла эвакуация. Мама меня держала за руку, чтобы не потерять. Мы погрузились в теплушку, во время налетов все выскакивали из вагонов и разбегались по обе стороны от насыпи, в кусты, лесные опушки, пережидали тревогу, бог дал — поезд доехал целым и невредимым» (Ярская 2007: 15).

В понимании времени истории как родной судьбы первое место по значимости занял модус исторического прошлого. Поколение — центральная категория темпорализма, представленная еще Гераклитом из Эфеса, развалины которого показывают туристам в Турции. Его представление о круговых пожарах через космический, мировой год, после которых колесо истории возобновляет цикл, дает продолжительность поколения в 30 лет (день космического года) между дедом и внуком. Мировой год равен $30 \times 360 = 10800$ наших лет как смена возникновения и разрушения мира (Маковельский 1999: 229–332).

Показатель субъективно определяемых границ поколения как презентация поколениями себя и своих сверстников по отношению к историческому времени — дислокация в социальном времени: *околовоенное* поколение, культурные синдромы и коды (Семенова 2009: 109–119). «*Историко-культурный режим времени*» конструирует нас, а мы конструируем историческое время — и оно оказывается столь же социальным, сколь социальное время — личностным.

Называть себя немцем, чеченцем — значит принять и пропустить через себя социальную память, культурную историю народа, депортацию.

Поколенческий контракт внедрен европейскими государствами для поддержки и защиты зависимых периодов жизненного цикла, детства, юности, пожилого возраста, посредством труда и вклада активного населения. В контексте дебатов о социальной Европе интерпретировалось, насколько одинаково ощущаются давления в разных странах и демонтаж времен социальных и экономических отношений (Kohli 2011: 13, 16, 19). Время индивида выступает как гражданская темпоральность налогоплательщика, потребителя и оказывается под сильным давлением, хотя европейская поколенческая модель задумана на принципах равноправия и устойчивости. Государственные пенсионные системы как институциональные единицы контракта, семейная политика в заботе о юных и пожилых домохозяевах играют смягчающую роль в демографическом кризисе, влияя на жизненные шансы поколений.

Либеральный режим подразумевает право на защиту времени болезни, старости и по другой причине, формирующей время сокращенных ресурсов. Государство идет на помощь бедным, чтобы наполнить пустое время, продолжить его, как в фильме «Время», однако поколенческий контракт слабеет, что влияет на жизненные шансы поколений в государстве благоденствия, эволюционирующем в направлении активации трудовых ресурсов и продления трудового возраста (Cochrane 1994: 1–17). Это направление расширявает формат социального времени, общество обязано передать культурные достижения последующим поколениям.

Сегодня бум памяти играет большую роль в оценке исторического прошлого (Романовский 2011: 13–23). История вправе стать опорой коллективной памяти, корректировать, критиковать, переоценивать. Показательность местных историй предполагает вплетение малой истории в большую, микроистория располагается на траектории изменения масштабов, которую она нарративизирует (Рикёр 2004: 91). Хрущевская оттепель, как мы помним, сменилась эпохой стагнации, атмосфера была затхлая, в регионах не было продуктов. В столичные командировки ездили со списком от коллег, кому что привезти, шутили: *«Пока продукты не будут перевозить в товарных вагонах, их будут везти в пассажирских»* (одноклассница Г.). Но одновременно исчез страх репрессий, было легко улететь на самолете или уехать на поезде в любую точку Союза, был дешевый бензин, люди проводили досуг на Волге, катались на водных лыжах, совершали лодочные путешествия. Сейчас это невозможно осуществить — из-за дороговизны, криминальной обстановки на волжских берегах и островах. Лишь позже мы узнали, что дешевые поездки, билеты, конференции — дотировались. Ни в развитие дорог, ни транспорта не было вливаний, все ветшало, увеличивало риск аварий и катастроф. Накапливался долг перед границей и собственными гражданами, темпоральности становились все более обедненными.

Такая инверсия в воспоминания полезна в анализе исторических периодов и поколений. Вместе с тем можно говорить о роли исторической памяти, поколения в формировании сплоченности, невозможно проигнорировать, на-

пример, практики исторической реконструкции (Ярская, Божок 2014). Это социальное движение раскрывает группу людей в организованном единстве, с общей целью, дает очищение от социальной конфронтации и безликого досуга, выступая новым феноменом культуры (Божок 2013: 181–185). К тому же аспект патриотической идентификации актуализирует инверсию исторической реконструкции в целях раскрытия влияния на сознание молодежи и формирования высоких нравственных качеств.

Инверсия времени жизни социального субъекта, поколения подразумевает рефлекссию с помощью биографического метода, эта парадигма предполагает понимание времени как индивидуализированного, основанного на памяти, возраст образует лишь внешнюю канву, а содержание конструируется социальными практиками. Рассказанное время и обитаемое пространство тесно переплетены, это не означает слепого нанизывания бесконечных и бесполезных фактов: *«человек широкой перспективы всегда предпочитает жить, а не воссоздать свою жизнь»* (Харрис 2010: 301–472). Время и отношение к историческим событиям *«обеспечивает для современных групп людей не только вертикальную (поколенческую) связь, но и связь политическую, эмоциональную»* (Тишков 2003: 261–262).

Этатистское государство конструировало социальное время граждан как время двух миров — по ту и эту сторону колючей проволоки, а гражданское общество и власть от поколения к поколению отдалялись друг от друга. Следствием выступает тотальное использование каждого момента времени, а ускорение и необходимость отмены карцерного стиля, пенитенциарной организации времени часто игнорируют. Эта тенденция усиливает власть администрации, механизмы контроля, нарушая целостность социального времени и отдельно взятого жизненного пути гражданина.

Мы хотели показать, как способствует проекту целостной картины прием *инверсии времени*, существующий уже не только как формализм теоретической физики и предельно обобщенной структуры научного познания, но и как механизм исторической реконструкции, социальной памяти, интеграции сплоченности. Обсуждаемая тема имеет безусловную перспективу: кроме участия в конструировании молодежного патриотизма, это еще и несомненная возможность анализа иерархии инверсии времени и временных параметров социальных сетей, привлечения микс стратегии сетевых исследований (Печенкин, Ярская-Смирнова 2014). На макроуровне это может быть включение набора параметров (доверие, солидарность, инклюзия, время), виртуальных сообществ как объекта исследования. Мезоуровень исследования сможет взять проблему сообщества как социальную сеть, плотность взаимодействия в виртуальных группах на основе формальных показателей и построенной темпоральной сетевой модели. Наконец, микроуровень инверсии предполагает использование аксиологической модели социальной сплоченности на уровне виртуальной микрогруппы.

От лица когорты социологов благодарю Бориса Докторова за совершенно титаническую работу по спасению и презентации памяти о поколениях рос-

сийских социологов (Докторов 2014), осуществление коллективной инверсии времени — не для оценки или переоценки личного прошлого, но реконструкции общей истории.

Литература и источники

Божок Н.С. Социологическое содержание понятия «историческая реконструкция» // Вестник Саратовского государственного технического университета, 2013, 3(72), с. 181–185.

Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV–XVIII вв. / Пер. с фр.: В 3-х т. Т. 3. Время мира. М.: Прогресс, 1992.

Веселкова Н.В. Существует ли социология времени? // Русский Гуманитарный Интернет Университет. Библиотека учебной и научной литературы, 2001. [http://www.chronos.msu.ru/old/RREPORTS/veselkova_suschestvuet.html]. Дата доступа 10.05.2015.

Власть времени: социальные границы памяти. Сборник статей по материалам российской конференции «Культура, время, память», на базе СГТУ и ЦСПГИ / Под ред. В.Н. Ярской и Е.Р. Ярской-Смирновой. М.: ООО «Вариант», ЦСПГИ, 2011.

Военный синдром. Настроение сейчас — Страшная штука — память! // Дневник ya_tanechka, 2006. [<http://www.li.ru/interface//pda/?act=comments&jid=778148&pid=27210500>]. Дата доступа 10.05.2015.

Гидденс Э. Элементы теории структуриации // Современная социальная теория: Бурдьё, Гидденс, Хабермас. Новосибирск: Изд. Новосиб. ун-та, 1995.

Гидденс Э. Устроение общества: Очерк теории структуриации. 2-е изд. М.: Академический Проект, 2005.

Докторов Б. Современная российская социология: Историко-биографические поиски. 2-е издание, дополненное, в 6-ти томах. М., 2014. [http://www.socioprognoz.ru/hta_6/htm/menu.htm]. Дата доступа 12.06.2015.

Дюркгейм Э. Социология образования / Пер. с франц. Т.Г. Астаховой. М.: ЦСО РАО-ИНТОР, 1996.

Йейтс Ф. Искусство памяти. СПб.: Университетская книга, 1997.

Капица С.П. Об ускорении исторического времени // Новое и новейшее время, 2004, 6. [<http://vivovoco.astronet.ru/VV/JOURNAL/NEWHIST/KAPTIME.HTM>]. Дата доступа 10.05.2015.

Козлова Н. Крестьянский сын: опыт исследования биографии // Социологические исследования, 1994, 6, с. 112–123.

Кравченко С.А. Модерн и постмодерн: «старое» и новое видение // Социологические исследования, 2007, 9, с. 24–34.

Макаров А. И. Феномен надындивидуальной памяти: стратегии концептуализации и онтологический статус. Автореф. дисс. ... д. филос. наук. СПб., 2010.

Макнотен Ф., Урри Д. Социология природы // Теория общества / Ред. А.Ф. Филиппов. М.: КАНОН-пресс-Ц, Кучково поле, 1999.

Маковельский А.О. Досократики: доэлеатовский и элеатовский периоды. Серия «Классическая философская мысль». Мн.: Харвест, 1999.

Мещеркина Е.Ю. Жизненный путь и биография: преемственность социологических категорий // Социологические исследования, 2002, 7, с. 61–67.

На «Путях России» обсудили ловушки догоняющей модернизации, георгиевские ленточки, историю полицейского государства и особую оптику социологии //

Полит.ру. 2011. 5 февраля. [http://polit.ru/news/2011/02/05/puti2011_1/]. Дата доступа 10.05.2015.

Нестик Т.А. Социальное конструирование времени // Социологические исследования, 2003, 8, с. 12–21.

Нестик Т.А. Роль доверия в анализе совместного опыта и формировании долгосрочной ориентации организации // Психология общения и доверия: теория и практика / Под ред. Т. Скрипкиной. М.: Университет РАО, 2014а.

Нестик Т.А. Социальная психология времени. М.: Институт психологии РАН, 2014б.

Нора П. Проблематика мест памяти // Франция-память / П. Нора, М. Озуф, Ж. де Пюимеж, М. Винок. СПб.: Изд. СПбГУ, 1999. С. 17–50.

Ньютон И. Математические начала натуральной философии // Собр. трудов акад. Крылова А.Н. Т. 7. М.; Л., 1934.

Печенкин В.В., Ярская-Смирнова Е.Р. Сетевые подходы в анализе социальной сплоченности // Вестник Саратовского государственного технического университета, 2014, 14(77), с. 244–249.

Пригожин И. Философия нестабильности // Вопросы философии, 1991, 6, с. 46–52, 275–276.

Пригожин И.Р., Стенгерс И. Время, хаос, квант. К решению парадокса времени. М.: Едиториал УРСС, 2003.

Пригожин И., Стенгерс И. Порядок из хаоса. Новый диалог человека с природой / Пер. с англ. Ю.А. Данилова. 6-е изд. М.: Издательство ЛКИ/ URSS, 2008.

Пространство и время социальных изменений. Курс лекций / Ред. Ярская В.Н. Москва-Саратов: НФПК-СГТУ, 2004.

Рикёр П. Память, история, забвение. Французская философия XX века / Пер. с франц. М.: Издательство гуманитарной литературы, 2004.

Ритцер Дж. Современные социологические теории. 5-е изд. СПб.: Питер, 2002.

Рождественская Е. Обыкновенный Холокост, или Биография выжившего // Власть времени: социальные границы памяти. Сб. ст. по мат. рос. конф. «Культура, время, память», СГТУ и ЦСПГИ / Под ред. В. Ярской и Е. Ярской-Смирновой. М.: ООО «Вариант», ЦСПГИ, 2011.

Романова С.П. Теория структуриации Э. Гидденса // Социология, 2002, 2, с. 40–49.

Романовский Н.В. Новое в социологии — «Бум памяти» // Социологические исследования, 2011, 6, с. 13–23.

Семенова В. Социальная динамика поколений: проблема и реальность. М.: РОССПЭН, 2009.

Семенова В.В. Конструирование памяти в коллективном дискурсе бывших афганцев // Социология и общество: глобальные вызовы и региональное развитие (Электронный ресурс): Мат. IV Всероссийского социологического конгресса. М.: РОС, 2012. — 1 CD ROM.

Сорокина Л.Я. Интернет-курс Социология свободного времени. Трактровка социального времени в классической социологии. Иркутск: Ин-т социальн. наук ИГУ, 2008.

Тишков В.А. Реквием по этносу. Исследования по социально-культурной антропологии. Глава VII. Восприятие времени. Культурное и политическое время. М.: Наука, 2003.

Тощенко Ж.Т. Фантомы российского общества. М.: Центр социологических исследований, 2015.

Тощенко Ж.Т. Историческое сознание и историческая память. Анализ современного состояния // Новая и новейшая история, 2000, 4. [<http://vivovoco.astronet.ru/VV/JOURNAL/NEWHIST/HIMEM.HTM>]. Дата доступа 10.05.2015.

Травма: пункты. Сб. ст. / Ред. и сост. С. Ушакин и Е. Трубина. М.: Новое литературное обозрение, 2009.

Троицкий С.А. Ускорение времени // Философия старости: геронтософия. Сб. мат. конференции. Серия Symposium, вып. 24. СПб.: С.-Петербургское философское общество, 2002.

Ушакин С. Осколки военной памяти: «Все, что осталось от такого ужаса?» Рец. на кн.: Алексиевич С. Последние свидетели: соло для детского голоса. М., 2007 // Новое литературное обозрение, 2008, 93. [<http://magazines.russ.ru/nlo/2008/93/ush15.html>]. Дата доступа 10.05.2015.

Ушакин С. Бывшее в употреблении: Постсоветское состояние как форма афазии // Новое литературное обозрение, 2009, 100. [<http://magazines.russ.ru/nlo/2009/100/ush55-pr.html>]. Дата доступа 10.05.2015.

Фомичев П.Н. Современные социологические теории социального времени. Научно-аналитический обзор / Ред. Ю.А. Кимилев. М.: ИНИОН РАН, 1993.

Фрумкина Р. Роль истории в жизни личности, или Зачем писать биографии // Русский журнал, 2003, 11 марта. [http://old.russ.ru/krug/period/20030311_fr.html]. Дата доступа 10.05.2015.

Фуко М. Надзирать и наказывать / Пер. с франц. Вл. Наумова, ред. И. Борисовой. М.: Ad Marginem, 1999.

Фурс В.Н. «Критическая теория позднего модерна» Энтони Гидденса // Социологический журнал, 2001, 1. [<http://jour.isras.ru/index.php/socjour/article/view/666>]. Дата доступа 10.05.2015.

Хайдеггер М. Разговор на проселочной дороге. М.: Высшая школа, 1991.

Хайдеггер М. Бытие и время. М., Ad Marginem, 1997.

Хайдеггер М. Прологомены к истории понятия времени / Пер. Е. Борисова. Томск: Водолей, 1998.

Хальбвакс М. Коллективная и историческая память // Неприкосновенный запас, 2005, 2–3, с. 40–41. [<http://magazines.russ.ru/nz/2005/2/ha2.html>]. Дата доступа 10.05.2015.

Хальбвакс М. Социальные рамки памяти / Пер. с франц. С.Н. Зенкина. М.: Новое издательство, 2007.

Харрис Р. Призрак // Избранные романы. М.: Изд. Дом Ридер Дайджест, 2010. С. 301–472.

Харт-Дэвис А. Книга о времени. Секреты времени: как оно работает и как мы его измеряем / Пер. с англ. Л.А. Борис. М.: Арт-Родник, 2012.

Шенк Ф.Б. Концепция «lieux de memoire» // Исторические записки. Commentarii de Historia. Издание исторического факультета Воронежского государственного университета, 2000, 2. [<http://www.hist.vsu.ru/cdh/Articles/02-11.htm>]. Дата доступа 10.05.2015.

Ярская В. Инверсия времени жизни: детская биография городского происхождения // Социальные ориентиры современного города: здоровье, спорт, активный туризм. Саратов: Изд. СГТУ, 2007. С. 10–26.

Ярская В. Инверсия времени как механизм памяти в контексте культуры // Власть времени: социальные границы памяти. Сб. статей по мат. рос. конф. «Культ-

тура, время, память», СГТУ и ЦСПГИ / Под ред. В. Ярской и Е. Ярской-Смирновой. М.: ООО «Вариант», ЦСПГИ, 2011а.

Ярская В.Н. Методология науки: время как метод // Поволжский торгово-экономический журнал, 2011б, 1, с. 12–17.

Ярская В.Н. Дискурс времени как культурный код памяти и поколенческий контракт // Социология и общество: глобальные вызовы и региональное развитие (Электр. ресурс): Мат. IV Всеросс. социологического конгр. М.: РОС, 2012. — CD ROM.

Ярская В.Н. Историческое время фантомов. Размышления о книге Ж.Т. Тошечко «Фантомы российского общества». М.: Центр социологических исследований, 2015. — 668 с. // Социально-гуманитарные знания, 2015, 2, с. 283–293.

Ярская В.Н., Божок Н.С. Перспектива поколения: движение исторической реконструкции // Известия Саратовского университета. Новая серия. Социология. 2014, 14(2), с. 19–26.

Cochrane A. Comparative approaches and social policy (issues of convergence), in: *Comparing welfare states: Britain in international context*, ed. by A. Cochrane and J. Clarke. London: Sage and Open University Press, 1994, pp. 1–17.

Fraser J.T. Time and Time Again. Reports from a Boundary of the Universe. Supplements to The Study of Time, in: *From timelessness to time. Out of Plato's Cave: The Natural History of Time*, ed. by Paul Gifford, London Deputy Ed. I. Lawrie. Vol. 1. Leiden–Boston: Brill, 2007.

Fraser J.T. *Time. Conflict, and Human Values*. University of Illinois Press, 1999.

Giddens A. *The Consequences of Modernity*. Cambridge: Polity Press, 1990.

Gurvitch G. The Problem of Time, in: *The Sociology of Time*, ed. by J. Hassard. University of Keele: London: Macmillan, 1990.

High-Speed Society. Social acceleration, power, and modernity, ed. by H. Rosa and W.E. Scheuerman. The Pennsylvania State University Press University Park, Pennsylvania, 2009.

Kearl M.C. *Times of our lives*. [<http://www.trinity.edu/~mkearl/time.html>].

Kohli M. The generational contract: a social model under pressure, European Sociological Association University of Geneva & Swiss Sociological Association, in: *Abstract Book ESA 10th Conference, Social Relations in Turbulent Times*. Geneva, 2011.

Matthews R. *Doing Time: An Introduction to the Sociology of Imprisonment*. New York: St. Martin's Press, 1999.

O'Reilly J. What kind of Pressure? What kind of Europe? Interdependency, conflict and control, in: *Abstract Book ESA 10th Conf. Social Relations in Turbulent Times*. Geneva 2011.

Rosa H. *A New Key to Understanding Modernity? The Theory of Social Acceleration in Contemporary German Sociology*. Abstract, Paper to be presented at the Higher School of Economics, Moscow, Sept. 23rd, 2008.

Rosa H. *Social Acceleration. A New Theory of Modernity*. Columbia University Press, 2013.

Sorokin P.A., Merton R.K. Social Time: A Methodological and Functional Analysis, *American Journal of Sociology*, 1937, 42(5), pp. 615–629.